

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИКСАЦИИ ПОРЯДКА СЛОВ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ

Д. ЧЕБЯЛИС

Порядок слов в старофранцузском еще в значительной мере более свободен, чем в новофранцузском языке, но по сравнению с классической латынью в нем уже намечаются некоторые сдвиги, ведущие к закреплению за каждым членом определенного места в предложении.

В системе имени для определения отношения принадлежности уже в народной латыни порядок слов устанавливался таким образом: определяющее слово следует за определяемым. Этот порядок слов мог еще отсутствовать в самых ранних памятниках старофранцузского языка, т. е. определяющее слово, указывающее на отношение принадлежности, могло очутиться перед определяемым, например, **pro deo amur** (Serments); **pro christian poblo et nostro commun salvament** (Serments); **li deo inimi** (Eulalie 3); **lo deo menestier** (Eulalie 10). Позднее такой порядок слов совсем исчезает и устанавливается строгое правило: определяющее слово следует за определяемым, например, **por l'amor deu** (Couronnement 185); **ge sui uns messages deu et saint Pere** (Couronnement 152—453); **ço li cumandet: apele l'ume deu** (Alexis 170).

Такой твердо установленный порядок слов для выражения принадлежности в системе имени способствовал широкому употреблению конструкции, элементы которой непосредственно и в определенном порядке примыкали друг к другу. Эта конструкция сохранилась в течение всего старофранцузского периода, а затем она была целиком заменена сочетанием имени существительного с предлогом.

Круг значений, представляемых этим порядком слов, именуется отношением принадлежности¹, но с этим согласиться можно лишь условно. В действительности же, порядок слов — определяемое, затем определяющее — охватывал более обширный круг отношений.

¹ Ср. К. Г. Нурог, *Grammaire historique de la langue française*, vol. V, Copenhague, 1925, p. 132.

Самый простой случай принадлежности имеет место, когда определяющим словом является личность, обозначенная именем собственным, например, an **la maisun Eufemien** quereiz (Alexis 314); chet as **piez Carlemagne** (Roland 3720); **l'aveir Carlun** est il apareilliez (Roland 643). Такими определяющими словами могут быть и просто живые существа, обозначенные именами нарицательными, например, u en **la maisoun soun gendre** (Wilelme 35, 35); **le gunfanun l'emperedur** porter (Alexis 414).

Другим вариантом обозначения принадлежности являются случаи соотношения двух живых существ, из которых одно выполняет функцию определяющего слова, например, si fist **la spuse danz Alexis** (Alexis 147); **la gent Carlun** (Roland 3303).

Менее конкретна идея принадлежности в тех случаях, когда определяемым словом является абстрактное понятие, а определяющим конкретное живое существо, например, **la mort sun fill** me fist en reprovier (Couronnement 220); asez savez **la grant orgoill Rollant** (Roland 1779).

Такое определенное сочетание определяемого и определяющего слов становится формулой особенно для некоторых слов, как *deu*, *rei*, например, icel plait afert a **la curune le rei** (Wilelme 2, 12); e **le dragon** e **l'enseigne le roi** (Roland 3550).

Отношения, выражаемые порядком слов определяемое—определяющее, могут оказаться весьма отдаленными от конкретного понятия принадлежности, например, *guardent la vile a oes l'empereor* (Roland 3678); *afert al os la vescunte* (Wilelme 3, 3). Еще более абстрактным отношение принадлежности бывает тогда, когда и определяемое и определяющее слово являются неодушевленными предметами, например, en un bruill par **sum les puis** remestrent (Roland 714); **en sum cez maz** e en cez haltes vernes (Roland 2632). Лишь в переносном смысле можно говорить о принадлежности в примере *seiez es lius Oliver e Rollant* (Roland 3016).

Таким образом, для обозначения определенных отношений, в основном сводимых к идее принадлежности, твердо установленный порядок слов играл огромную роль в системе имени в старофранцузском языке. Эти конструкции охватывали столь широкий круг значений, что порою порядок слов, казалось, мог вообще выражать всю гамму генетивно-дательных отношений. Это особенно относится к идеям, выражаемым дательным падежом. Порядок слов был столь веским фактором, что предлог *à* оказывался излишним в ряде случаев для обозначения взаимосвязи между глаголом и именем существительным. В таких случаях отчетливый смысловой оттенок самого глагола также играл важную роль и позволял имени существительному примкнуть к нему без всякого предлога, например, *li emperere. ...ne ben ne mal ne respunt sun nevuld* (Roland 216); *ne orfelin son fie ne li toldrez* (Couronnement 67); *il le nunçat sum pedre Eufemien* (Alexis 337).

Такое непосредственное беспредложное примыкание косвенного дополнения к глаголу нельзя считать случайным явлением. Оно возможно лишь в старофранцузском языке и бесследно исчезает в период среднефранцузского в связи с коренной перестройкой всей структуры французского имени. Порядок слов — определяемое определяющее для выражения отношения принадлежности был действителен лишь в системе старофранцузского имени. В современном же языке от него остались лишь некоторые пережитки, например, *la Fête-Dieu, Hôtel-Dieu, le feu Saint-Antoine*².

Существование столь широко распространенной конструкции, структурным центром которой является твердо установленный порядок слов, свидетельствует, что фиксирование синтаксической позиции взаимосвязанных слов составляло один из важнейших моментов в развитии старофранцузского предложения.

* * *

Другой аспект фиксации порядка слов в старофранцузском состоит во все возрастающем стремлении закрепить постоянное место за основными членами предложения, что дало повод в XVIII в. (А. де Ривероль) к утверждению, будто бы единственно нормальным порядком слов во французском языке является следование SVC (*sujet—verbe—complément d'objet direct*). И действительно, уже в старом языке лингвостатистические данные показывают преимущественную препозицию подлежащего. Так, из 12 обследованных памятников (IX—XIV вв.) самый маленький показатель препозитивного употребления подлежащего наблюдается в *Alexis* 68,1%, но другие показатели *Roi Modus* 93,3%, *Saint Louis* 89,2%, *Bérinus* 86,7% (XIV в.), *Eulalie* 70,7%, *Passion* 72% (IX—X вв.) позволяют утверждать, что постоянное место за подлежащим уже было закреплено в старейших памятниках французского языка (ср. таблицу 1).

Постпозитивное употребление подлежащего, как об этом свидетельствуют лингвостатистические данные, постепенно, но неудержимо идет на убыль: *Eulalie* 29,3%, *Passion* 28%, *Alexis* 31,9%, *Roland* 24,1% (IX—X вв.), *Bérinus* 13,3%, *Saint Louis* 10,8%, *Roi Modus* 6,7% (XIV в.) (ср. т. II). На постепенно исчезающее постпозитивное употребление подлежащего имело влияние целый ряд факторов. В первую очередь нужно отметить, что за весь старофранцузский период постпозитивное употребление подлежащего наблюдается преимущественно с непереходными глаголами: *Warewic* 76,4%, *Couronnement* 70,6%, *Passion* 64,6%, *Graal* 64%, *Eulalie* 60%, и лишь в XIV в. постпозиция подлежащего становится более или менее безразличной к грамматической природе сказуемого: *Bérinus* 59%, *Roi Modus* 48,5%, *Saint Louis* 47% (т. II) (при непереходных глаголах). По всей вероятности, к этому времени произошло переосмысление самой постпозиции, которая из

² Кг. Нурор, *Grammaire historique de la langue française*, vol. V, Copenhague, 1925, pp. 132—141.

явления, напоминающего характер свободного порядка слов латинского языка, превратилась в самостоятельную синтаксическую позицию, имеющую свои собственные закономерности и уже напоминающую инверсию подлежащего в современном французском языке³. На препозитивное же употребление подлежащего грамматическая природа глагола, по-видимому, не имела никакого влияния, так как самый маленький показатель такого употребления с непереходным глаголом наблюдается лишь в Eulalie 29,3%, во всех других памятниках он значительно больше (Alexis 45%, Roland 42%, Graal 45,6%, Bérinus 45,4%), но не превышает, правда, 50%, а в Roi Modus он достигает 57,1% (т. I). Большое или меньшее употребление препозиции подлежащего при непереходном глаголе может быть объяснено жанровой отнесенностью или самим характером данного памятника.

Лингвостатистические данные позволяют говорить о все более частом употреблении личного местоимения в функции подлежащего (ср. соответствующие разделы в тт. I и II). Но для личного местоимения, как известно, противопоставление подлежащее) прямое дополнение несущественно. Поэтому местоимение в постпозиции в функции подлежащего употребляется преимущественно с переходным глаголом, а имя существительное в постпозиции в той же функции преимущественно с непереходным глаголом. Из 12 обследованных памятников в 11-ти такое употребление имени существительного превышает 50%: Warewiv 82,8%, Couronnement 70,6%, Graal 69%, Perceval 68,7% (ср. т. II).

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что имя существительное в функции подлежащего не является безразличным к грамматической природе сказуемого, т. е. оно чутко реагирует на наличие или отсутствие противопоставления подлежащее прямое дополнение. Непереходный глагол или связка подразумевают отсутствие прямого дополнения, но в старофранцузском исчезающая флексия имени жидилась именно на морфологическом выражении этого противопоставления. Известно⁴, что исчезновение морфологических признаков *cas sujet* в старофранцузском началось сперва у имени в постпозиции, т. е. там, где подлежащее находилось на нехарактерном для него месте, так как уже в древнейших памятниках французского языка на этом месте обычно находилось прямое дополнение. Следовательно, к влиянию грамматической характеристики глагола (переходность—непереходность), которая явилась главной причиной для закрепления постоянного места за подлежащим в препозиции, присоединился и морфологический фактор — исчезновение двухпадежной системы склонения. Этот последний фактор, развившийся под влиянием взаимной связи

³ Ср. Robert Le Bidois, *L'inversion du sujet dans la phrase contemporaine (1900—1950) étudiée plus spécialement dans l'œuvre de Marcel Proust*, Paris, 1952.

⁴ Ср. нашу статью: Основные пути развития системы имени в старофранцузском, Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, «Языкознание», VI, 1963, стр. 257—278; также: Лингвостатистическая картина системы имени в старофранцузском, там же, IX, 1963, стр. 140—150.

глагола с его субъектом, содействовал в дальнейшем вытеснению подлежащего из постпозиции, с одной стороны, и привел к последующей утрате именной флексии, с другой.

Но закрепление постоянного места за подлежащим неотделимо от такого же закрепления особого места за прямым дополнением. Фиксация места членов предложения происходила, по-видимому, неравномерно. Лингвостатистические данные, приводимые в тт. I и III, свидетельствуют о том, что если характерным местом для подлежащего можно считать препозицию (колебания от 68,1 до 93,3%), то еще более обоснованно характерным местом для прямого дополнения можно считать его постпозицию по отношению к сказуемому (колебания от 59,8 до 98,4%). Детальное сравнение отдельных памятников позволяет установить, что показатель постпозиции прямого дополнения меньше лишь в 4 памятниках по сравнению с препозицией подлежащего (Passion, Roland, Warewic, Saint Louis), зато постпозиция прямого дополнения превышает 90% в пяти памятниках (Courtois d'Arras, Graal, Perceval, Bérinus, Roi Modus), между тем как препозиция подлежащего превышает 90% лишь в одном памятнике Roi Modus 93,3% против 96,6% постпозитивного положения прямого дополнения в том же памятнике (ср. тт. I, III). Но главным в синтаксическом положении прямого дополнения является то, что его препозиция в общем распадается на несколько частей, имеющих весьма различный характер. Чистая препозиция прямого дополнения, требующая постановки подлежащего после глагола (CVS), весьма редка. Она лишь в трех памятниках превышает 50% общего количества препозитивного употребления прямого дополнения: Couronnement 54,5%, Courtois d'Arras 83,4%, Saint Louis 58,6% (т. III). Это тип: **signes feront li soi fedeil** (Passion 457); **messe e matines ad li reis escultet** (Roland 164); **car cele aventure ne voult onques mes nus hom achever** (Graal 10, 10); или **palefreiz, chascurs e destriers lur dona il mult volenters** (Warewic 156—157); **les piez de ces vilains ne laverai-je ja** (Saint Louis 11, 28). В других случаях препозитивное употребление прямого дополнения остается либо вовсе вне группы SV и не влияет на позицию подлежащего по отношению к глаголу, тип CSV: **trestot cest mund granz noiz covrit** (Passion 310), **ne nulle autre preire elle ne faisoit** a Nostre Seigneur (Bérinus 7, 8), либо прямое дополнение ставится между подлежащим и сказуемым (SCV), образуя дистанцию между ними, и ослабляет таким образом в некоторой степени замкнутость группы подлежащего — прямого дополнения, но не нарушает препозицию самого подлежащего, тип **Joseps Pilat mult per preiat** (Passion 341); **a un jur de Pentecoste avint ke li coens une feste tint** (Warewic 161—162). В 8-ми памятниках из 12 показатель следования (SCV) внутри группы препозитивного употребления прямого дополнения превышает 50%. Eulalie 100%, Warewic 91,7%, Passion 85,6%, Perceval 75%, Alexis 73,4% Roland 59,4%, Graal 54,6% и Roi Modus 50% (т. III). Кроме этого, можно обратить внимание на то, что в большинстве случаев препозитивного употреб-

ления прямого дополнения строго соблюдается именное склонение, которое в старофранцузском и делало возможным такую синтаксическую позицию прямого дополнения. С исчезновением именного склонения в XIV в. до минимума сводится и этот отголосок латинского порядка слов: *Béginus* 3,1%, *Roi Modus* 3,4%, *Saint Louis* 13,2% (т. III), а постпозитивное употребление прямого дополнения превращается постепенно в самостоятельное синтаксическое явление, выражающее новые взаимоотношения между подлежащим, сказуемым и прямым дополнением.

* * *

За весь период старофранцузского наблюдается постепенное исчезновение дистантного положения между подлежащим и сказуемым, т. е. такого положения, когда между ними находятся другие члены предложения, выраженные не местоимением. В первых памятниках показатель этого положения довольно большой: *Eulalie* 26,1%, *Passion* 19,7%, но к XIV в. он уже становится весьма незначительным: *Béginus* 1,7%, *Roi Modus* 1,4%, *Saint Louis* 2,8% (т. III). Этот факт еще более рельефно вырисовывает образование тесного контакта между подлежащим и сказуемым, с одной стороны, и общее стремление в старофранцузском фиксировать определенное место за основными членами в предложении.

* * *

Итак, фиксирование определенного места за подлежащим, сказуемым и прямым дополнением в старофранцузском происходит неравномерно. Наиболее рано установленным является место прямого дополнения — постпозиция по отношению к сказуемому. Постпозитивное же положение подлежащего по отношению к сказуемому постепенно уступает препозитивному положению. Постпозиция подлежащего постепенно исчезает под влиянием грамматической характеристики сказуемого, выраженного непереходным глаголом, и под влиянием того фактора, что постпозиция по отношению к сказуемому являлась естественной для прямого дополнения.

* * *

Для составления нижеследующих таблиц использовано из каждого обследованного памятника 1000 строчек стихотворного текста и 50 страниц прозы, если памятник превышает указанное количество страниц или строчек. Прямое дополнение включается в подсчеты лишь при наличии той же фразы соответствующего подлежащего, выраженного именем существительным или местоимением. Вопросительные или вводные предложения в подсчеты не включаются. Раздел «Местоимение» состоит лишь из личного местоимения и *qui*, *ço*, *op*, а другие типы местоимений (*cel*, *nul*, etc.) включены в раздел имени существительного, так как им свойственна именная флексия. Основной единицей сложного времени является его спрягаемая часть, т. е. вспомогательный глагол, так же и в номинальной фразе положение именной части ска-

зуюмого не вліяет на препозицію или постпозицію подлежащего или прямого дополнения. Например, envers le rei s'est Guenes aproismet (Roland 468) — постпозиция подлежащего: li reis Marsilie out sun cunseill finet (Roland 62) — нормальный порядок слов SVC. В фразе jo vos durrai, or e argent asez (Roland 75) группа подлежащего и прямого дополнения образует одну единицу.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Iteikta
1963 m. rugsėjo mėn.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ

- Alexis. — Sankt Alexius, Altfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrhunderts, Herausgegeben von G. Rohlfs, Max Niemeyer Verlag (Halle), 1950 (Sammlung romanischer Übungstexte. Bd. XV).
- Bérinus. — Bérinus roman en prose du XIVe siècle publié par R. Bossuat, I vol. 1931, II vol. 1933 (Société des anciens textes français).
- Couronnement. — Le couronnement de Louis. Chanson de geste du XIIe siècle éditée par E. Langlois, Paris, 1920 (Les classiques français du moyen âge).
- Courtois d'Arras. — Courtois d'Arras, jeu du XIIIe siècle, édité par E. Faral, Paris, 1911 (Les classiques français du moyen âge).
- Eulalie. — E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. II, 1930, Leipzig.
- Graal. — La quête del Saint Graal. Roman du XIIIe siècle édité par A. Pauphilet, Paris, 1923 (Les classiques français du moyen âge).
- Passion. — E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. II, 1930, Leipzig.
- Perceval. — Christian von Troyes, Der Percevalroman (li contes del Graal), Herausgegeben von A. Hilka, Bd. 5, Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1932.
- Roi Modus. — Les livres du roy Modus et de la royne Ratio publiés par G. Tiliander, t. I, 1932, t. II, 1932 (Société des anciens textes français).
- Roland. — La chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier, Paris, 1937, 124 édition.
- Saint Louis. — Joinville, Histoire de Saint Louis, texte original publ. par N. de Wailly, Paris.
- Serments. — E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. II, 1930, Leipzig.
- Warewic. — Gui de Warewic, roman du XIIIe siècle édité par A. Ewert, t. I—II, 1933 (Les classiques français du moyen âge).
- Wilelme. — Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin. Textes et étude critique publiés par Y. E. Matzke, Paris, 1899 (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire).

Таблица 1

Век	Название памятника	Подлежащее							
		препозиция							
		имя существительное			местоимение			общее количество в препозиции	общее количество глаголов с переходным глаголом
		переходный глагол	непереходный глагол ⁵	общее количество	переходный глагол	непереходный глагол	общее количество		
IX	Eulalie	100 %	0 %	25 %	77,8 %	22,2 %	75 %	70,7 %	29,3 %
X	Passion	60,4	39,6	67,7	55,5	44,5	32,3	72	41,3
XI	Alexis	60,2	39,2	64,8	45,9	54,1	35,2	68,1	45
	Roland	53,6	46,4	61,3	64	36	38,7	75,9	42
XII	Couronnement	58,4	41,6	57,2	66,7	32,3	42,8	72,6	38,6
	Perceval	52,7	47,3	36	74	26	64	84,9	35
	Courtois d'Arras	41	39	16,6	73	27	83,4	82,2	31,4
XIII	Graal	53,2	46,8	29,5	54,5	45,5	70,5	76,1	45,6
	Warewic	48	52	64,4	65,5	34,5	35,6	71	35,6
	Bérinus	45,4	55,6	26	57	43	74	86,7	45,4
XIV	Roi Modus	30	70	35,1	47	53	64,9	93,3	57,1
	Saint Louis	46,4	53,6	31,3	70	30	68,7	89,2	36,6

Таблица 2

Век	Название памятника	Подлежащее							
		постпозиция							
		имя существительное			местоимение			общее количество в препозиции	общее количество глаголов с переходным глаголом
		переходный глагол	непереходный глагол	общее количество	переходный глагол	непереходный глагол	общее количество		
IX	Eulalie	40 %	60 %	100 %	0 %	0 %	0 %	29,3 %	60 %
X	Passion	35,4	64,6	95,3	33,3	66,6	4,7	28	64,6
XI	Alexis	41	59	96,3	100	0	3,7	31,9	57
	Roland	48,2	51,8	91,5	80	20	8,5	24,1	49
XII	Couronnement	29,4	70,6	100	0	0	0	27,4	70,6
	Perceval	31,3	68,7	74,3	63,6	36,4	25,7	15,1	60,7
	Courtois d'Arras	44,4	55,6	52,8	62,5	37,5	47,2	17,8	47
XIII	Graal	31	69	64,7	44	56	35,3	23,9	64
	Warewic	17,2	82,8	85,5	62,5	37,5	14,5	29	76,4
	Bérinus	38	62	63,2	42,8	57,2	36,8	13,3	59
XIV	Roi Modus	48	52	66,6	60	40	33,3	6,7	48,5
	Saint Louis	69,4	30,6	25,5	47,2	52,8	74,5	10,8	47

⁵ В раздел непереходный глагол включены глаголы — связи.

Таблица 3

Век	Название памятника	Дистантное положение подлежащего по отношению к сказуемому	Прямое дополнение				постпозиция по отношению к сказуемому
			препозиция по отношению к сказуемому				
			SCV	CSV ⁶	CVS	общее количество в препозиции	
IX	Eulalie	26,1 %	100 %	0 %	0 %	30 %	70 %
X	Passion	19,7	85,6	2,3	12,1	40,2	59,8
	Alexis	8,3	73,4	0	26,6	18,7	81,3
XI	Roland	7,5	59,4	0	40,6	29,3	70,7
	Couronnement	10,2	45,5	0	54,5	12,4	87,6
XII	Perceval	6,5	75	0	25	11,6	88,4
	Courtois d'Arras	0,5	16,6	0	83,4	8,2	91,8
	Graal	9,5	54,6	9,9	36,3	8,7	91,3
XIII	Warewic	14,4	91,7	0	8,3	35,5	64,5
	Bérinus	1,7	40	20	40	3,1	96,9
	Roi Modus	1,4	50	25	25	3,4	96,6
XIV	Saint Louis	2,8	29,3	11,7	58,6	13,2	86,8

KAI KURIE ŽODŽIŲ TVARKOS FIKSACIJOS ASPEKTAI SENOJOJE PRANCŪZŲ KALBOJE

D. ČEBELIS

Re z i u m ė

Lingvostatistiniai duomenys rodo, kad pagrindinių sakinio dalių (veiksnių, tarinių, tiesioginio papildinio) fiksacija senojoje prancūzų kalboje vyko netolygiai. Seniausiuose paminkluose dominuojanti veiksnio vieta yra prepozicija. Postpozicijoje veiksnys dažniausiai vartojamas su intranzityviniais arba kopulatyviniais veiksmažodžiais, t. y. tokiuose sakiniuose, kur nėra priešpastatymo — veiksnys tiesioginis papildinys. Asmeninis įvardis — veiksnys postpozicijoje vartojamas dažniausiai su tranzityviniais, o daiktavardis beveik vien tik su intranzityviniais veiksmažodžiais. Veiksnių postpozicijos laipsnišką išnykimą apsprendžia trys faktoriai: gramatinė tarinių charakteristika (tranzityviškumas arba intranzityviškumas), vardažodžių linksniaavimo subyrėjimas ir pagaliau pačios

⁶ В предложениях типа *et il li baille maintenant a afubler un mantel vermeil que il portait sor s'espaule* (Graal 8, 5—6) **que** не включено в подсчеты в качестве прямого дополнения.

postpozicijos po tarinio sintaksinė charakteristika, kuri pasirodė būdinga tiesioginiam papildiniui, užėmusiam šią vietą anksčiau, negu prepozicija prieš tarinį tapo būdinga veiksniui. Gramatinė tarinio charakteristika, kaip rodo lingvostatistiniai duomenys, XIV šimtmetyje nebeturi įtakos veiksnio prepozicijai ir postpozicijai. Galima manyti, kad kaip tik tuo metu veiksnio postpozicija, kuri buvo lotyniškos žodžių tvarkos atbalsis, tampa nauju sintaksiniu reiškiniu, primenančiu veiksnio inversiją dabartinėje prancūzų kalboje.
